

Назирова Р. Г. Эффект подлинности. Уфа:
РИЦ БашГУ, 2016.

В. В. Файнберг

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Жанр монографии Р. Г. Назирова «Эффект подлинности» очень сложно определить. Это труд по истории литературы; более точно — по истории иностранной литературы, передающей эстафету литературе русской. Книга выстроена по оси авторской гипотезы, в которой за основу взят критерий «подлинности» (жизнеподобия и искренности) в литературе Нового времени, особенно в романах. Читатель семимильными шагами проходит вместе с автором путь от Сервантеса до Пушкина.

Магистральная идея Назирова может быть сформулирована достаточно кратко: «переход подлинности в литературную условность» (с. 117) и отталкивание от нее обратно к подлинности — это и есть маятниковая история изменений романа. Идея иллюстрируется на материале нескольких литератур: испанской (коротко), французской и английской, с подключением необходимой исторической справки для каждого отдельного региона или автора. Тем не менее кажется, что эта историко-литературная догадка ценна прежде всего как организующий принцип, как нить, на которую можно называть литературные произведения и так их осваивать.

Проще говоря, «Эффект подлинности» читается как учебное пособие. И здесь хотелось бы остановиться на несомненных достоинствах книги, воспринятой в таком ключе. Она дает представление об обсуждаемой эпохе. Хотя такие экскурсы всякий раз очень сжаты (например, напоминание о событиях истории Англии занимает три страницы, и это едва ли не самое долгое отступление во всей книге), они достаточно подготавливают читателя к тому, чтобы историко-социологически осмыслить концепцию подлинности/условности в применении к тому или иному периоду. И эти периоды представлены Назировым в толстовской риторике, с пониманием всеобщей параллельности и связанности: «В 1616 году, приняв перед смертью монашество, нищий Сервантес умирает в своём неласковом Мадриде. Дней через десять в английском захолустье, в Стратфорде-на-Эйвоне, умирает почтенный олддермен Шекспир. Это конец эпохи Возрождения» (с. 17).

Когда же речь идет непосредственно о книгах, Назиров сразу обращается к сути, к читательскому ощущению, которое и позволяет делать выводы о том, в какой точке траектории маятника следует расположить роман. Но такой способ общения с читателем вызывает вопрос о прагматике «Эффекта подлинности». Для студентов это путешествие бегом по иностранным литературам недостаточно подробно, а специалистам вряд ли нужны общие исторические экскурсы, неформальность формулировок и поиск «жизни» (т.е. отсутствия ходульности) в литературе. В то же время не остается сомнений, что центральное понятие для Назирова — слово «живой», и в этом хочется солидаризироваться с автором, как бы ненаучен такой критерий ни был. О героях произведения мадам де Лафайет «Принцесса Клевская»

Назирова пишет: «Несмотря на их несколько однообразное благородство, мы все же узнаем в них живых людей». О Стерне — «В синкретизме ренессансного гуманизма он нашёл живые ключи, из которых забыло испить слишком логичное Просвещение» (с. 73).

«Живо питающими нас» (с. 101) названы и «идеи» Пушкина, на котором заканчивается «Эффект подлинности», поскольку «Пушкин был для России живым эквивалентом трех веков литературного развития Западной Европы» (с. 102). Эта заключительная часть выбивается из строя книги, она кажется скорее одой гению, чем анализом механизмов подлинности. Здесь как будто бы начинается новый виток мысли о роли и назначении литературной мистификации, но в итоге эта тема несколько повисает в воздухе, а готовые главы книги заканчиваются (она не дописана; потенциальные планы будущей книги показаны в предисловии С. С. Шаулова).

Структура издания необычна, она обусловлена незавершенностью монографии. Извлеченная из архива, книга в самом тексте сохраняет «рабочие заметки Назирова» (пояснения публикатора см. на с. 11), они графически выделены. Помимо авторских сносок, даны специальные примечания, куда попали, например, отрывки из других работ Назирова или его мысли, не оформленные в связный текст, но созвучные поясняемому отрывку. Издание снабжено именованным указателем.

Составители приводят, кроме того, очень любопытные авторские «комментарии и размышления к “Эффекту подлинности”» (изданные как приложение к основному тексту). В них мы находим ценные отрывочные мысли, например: «“Война и мир” есть наложение *одиссеи* Пьера на *иллиаду 1805–1812 годов* с Наташей-Пенелопой и Ахиллом-Андреем...» (с. 120). Здесь же стоит сказать о том, что решение публикаторов сохранить в издании авторские пометки и редактуру представляется очень уместным и почти всегда обогащающим. Так иногда воссоздается живая эмоция и живой разговор: «Сервантес <...> до конца своих дней вымучивал лебединую песню, свой Настоящий Великий Роман — «Странствие Персилеса и Сихисмунды», который сегодня ~~невозможно читать~~ читается только специалистами» (с. 17).

Увлекательность книги Назирова — это ее большая сила, компенсирующая односторонность любой историко-литературной концепции. Ведь даже отталкиваясь от очень интересного и важного критерия, автор здесь исходит из неизбежно редуccionистской предпосылки, что новая литература сплелась из понятного старого, что это продвижение (основанное на усталости от предыдущей тенденции) вполне можно проследить и описать.

Д. С. Лихачев писал о нежелательности «научного редуccionизма» в исследовании литературы: «... как только мы начинаем объяснять, наблюдатель-литературовед неизбежно вторгается в литературу и упрощает ее согласно своим научным установкам»¹. То есть, «научная» концепция Назирова или чья-либо еще догадка о подводном течении, вслед за которым развивается и меняется литература на протяжении веков, — это априори ненаучный разговор. Таким образом, «Эффект подлинности», особенно в контексте современной науки, скорее всего, не может претендовать на какую-то актуальность, и вообще рассматриваться в подобном контексте книга

¹Лихачев Д. С. «Принцип дополненности» в изучении литературы // Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 42.

Назирова не должна.

Современное литературоведение тяготеет к исследованию частных случаев; ученый присматривается к отдельному свободному «электрону» (так Лихачев называет автора-«творца», обладающего «свободой воли»²) и, по возможности, восстанавливает какие-либо связи с литературной традицией и с окружавшей его действительностью. При этом не предполагается, что исследователь должен расставить все точки над *i*. Наоборот, решение ничего не утверждать окончательно, если данных для этого недостаточно, кажется самой правильной стратегией: все-таки в голову автору не залезть, особенно если в ней несомненна «свобода воли» и гениальность. Такому подходу безусловно противоречит любая попытка объяснить что-то сложное и разнообразное одним махом.

Наверное, в случае Назирова способ хронологического рассказывания вырастает из привычки систематизировать материал, думая об университетском курсе *истории* литературы. Впрочем, если говорить об учебных целях, кажется, что самые лучшие курсы тем и хороши: в них происходит последовательное путешествие по времени, все сопоставляется со всем, чтобы в уме выросла конструкция, сложилась система. И напротив, *case studies*, которыми занимается современная наука, плохо встраиваются в ситуацию преподавания литературы. Оторванные друг от друга, произведения как будто ничего не добавляют в «умственное хозяйство» и сами там не остаются.

По опыту, для эффективного общения по поводу литературы нужен какой-то сквозной мотив, обращаясь к которому преподаватель ставит межвые знаки: «А вот смотрите, теперь маятник качнулся в другую сторону. . . ». Кажется, «Эффект подлинности» может именно так говорить с читателем, которому хотелось бы освоиться в пространстве литературы Нового времени.

²Там же. С. 41.